

Сто ложек кофе

ДАРЬЯ КРУПКИНА

ТОТ, КТО ЗОВЕТ ТЕБЯ ОБРАТНО

Сто ложек кофе

Дарья Крупкина

Тот, кто зовет тебя обратно

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Крупкина Д.

Тот, кто зовет тебя обратно / Д. Крупкина — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Сто ложек кофе)

В частной психиатрической клинике в пригороде Лондона находится пациент. Он никого не узнает и целыми днями неподвижно смотрит в стену. Иногда к нему приходит брат-близнец. Но оказывается, незадолго до того, как попасть в клинику, пациент наводил справки о таинственной Лиллиан.

© Крупкина Д.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

1	7
2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дарья Крупкина

Тот, кто зовет тебя обратно

Осенний дождь третий день равномерно барабанил по подоконнику, прибывая к нему желтые мокрые листья с соседних деревьев. Посмотрев в окно, Мари Хоггарт только покачала головой: в нынешнем году дождливая погода уж слишком затянулась, даже для лондонских пригородов.

Но чему удивляться, когда дождь перестанет, повалит мокрый снег – а там уж и до весны близко. Печалила только невозможность гулять во дворе, для многих пациентов это было бы полезно.

Мари вот уже почти год работала в психиатрической клинике Хартвуд Хилл. Хотя место располагалось в стороне от основных дорог, и приходилось ездить домой на автобусе, ей нравилась работа. Небольшое частное заведение с аккуратным беленым забором, во многих местах заросшим плющом – стоя снаружи и не скажешь, что внутри находится клиника.

Тем не менее, сейчас в стенах Хартвуд Хилла находилось несколько сотен пациентов. Большая часть из них располагала весьма состоятельными родственниками, поэтому внутри чистой и светлой клиники было не только современное оборудование, но и конспирация не меньше, чем во многих шпионских фильмах. Мари любила подобный кинематограф. Поэтому, когда она заступала на смену и первым делом несколько раз прикладывала пропуск, а система безопасности ее узнавала, и загорался зеленый огонек, Мари на полном серьезе ощущала себя девушкой Бонда.

Впрочем, куда больше ее радовала благоустроенность клиники. На прошлом месте работы ей приходилось как медсестре заниматься довольно грязной работой, потому что не хватало рук. В Хартвуд Хилле такого не было. И она всегда знала, что помещения будут чисто убраны, а ей предоставят все необходимое в рамках ее обязанностей – и ничего сверх того.

Еще раз вздохнув, Мари наконец-то оторвалась от окна и повернулась к своему пациенту. Он сидел на стуле, безучастно уставившись в стену.

– Пора делать укол, – сказала Мари. – Надеюсь, вы не против?

Конечно же, он не мог быть против – но Мари все равно нравилось спрашивать. Как говорил ее жених Мартин, вежливость должна быть всегда. Пусть даже твой собеседник не может ответить.

Этот пациент Мари нравился. Он поступил пару недель назад, и Мари сразу обратила на него внимание. Красивый молодой мужчина, если б она увидела такого на улице (и у нее не было Мартина, конечно же), то обязательно вздохнула бы о нем. Впрочем, сейчас привлекательное лицо казалось изможденным – но взгляд также был прикован к стене.

Таким его и привезли. Мари не видела сама, но Сюзи рассказывала, а уж Сюзи-то можно верить. Новый пациент садился, когда его сажали, вставал, когда его поднимали, ел, если его кормили. Но никак больше не реагировал на внешний мир. Он был здесь уже дней десять, но никаких улучшений не наблюдалось. Поэтому лечение продолжали, но доктор Стивенсон говорил, что это любопытный случай. А он всегда говорит так, когда не очень-то верит в выздоровление.

У пациента часто бывали посетители. Особенно хорошо Мари запомнила его брата – возможно, потому что они близнецы. Тот закрывался наедине с пациентом и курил – вообще-то в клинике запрещено курить, но как шепотом сказала Сюзи, эти отстегивают такие суммы, что им бы позволили даже плясать канкан. Поэтому Мари смирилась и просто каждый раз открывала окна в палате после посещения брата.

Однажды она вернулась чуть раньше и застала его на корточках перед пациентом. Похоже, он пытался что-то ему говорить, но пациент не реагировал. И все-таки Мари невольно

поежилась: жутковатое зрелище, когда лица обоих близнецов смотрели друг на друга, а потом одно из них повернулось в сторону Мари. Второе, конечно же, осталось безучастным.

Но Мари навсегда запомнила то выражение боли и обреченности на лице брата. Он потом быстро ушел и с тех пор был всего раз или два.

– Тебе повезло, мой мальчик, – сказала Мари безучастному пациенту, – о тебе есть кому волноваться.

Она слышала, что родители братьев давно погибли – возможно, именно поэтому она чувствовала особую близость к этому пациенту. Ее собственные родители тоже погибли пару лет назад, вот только у нее-то не было ни братьев, ни сестер.

В очередной раз Мари подумала, что же привело этого явно не бедного привлекательного мужчину к тому состоянию, в котором он и оказался в Хартвуд Хилле. Но она снова и снова себя одергивала: это не ее дело. Она просто должна выполнять свою работу и только.

Наполнив шприц, Мари проверила его и перевернула руку пациента, чтобы сделать укол. Вены были плохо видны из-за вязи татуировок, покрывающих руку, но Мари хорошо знала свою работу.

1

Повесив плащ, Фэй несколько раз провела по нему ладонью, стряхивая капли воды. Потом проверила, заперла ли входную дверь. Посмотрела в полумраке на себя в зеркало.

На самом деле, Фэй попросту не хотела идти дальше в квартиру – ведь непременно пришлось бы пройти через гостиную. А сейчас она меньше всего хотела именно этого.

Потому что там, в комнате с затемненными окнами, обязательно сидит Фредерик. Возможно, он курит. Или наблюдает, как сквозняк шевелит занавески. После того, как уехал Винсент, он вообще никому не позволяет их трогать.

Вздохнув, Фэй все-таки шагнула вперед и прошла в гостиную. Но к ее удивлению, застала там вовсе не Фредерика. На диване, выпрямив спину и сцепив руки, сидела Анабель.

Она повернула голову к Фэй:

– Как он?

– Ничего не изменилось, – пожала плечами Фэй и присела рядом.

– Я хочу его увидеть.

– Ты же знаешь, Фредерик тебе не позволит.

– Не собираюсь спрашивать его разрешения! Если Рик не хочет рассказывать, где эта клиника, мне расскажешь ты.

– Даже не проси. Я не пойду против Фредерика.

Особенно сейчас, подумала Фэй. В последнее время Фредерик пугал ее до чертиков, и ей совершенно не хотелось оспаривать его решений. Кроме того, она и сама считала, что он прав: Анабель совершенно нечего делать в Хартвуд Хилле.

– Но он ведь и мой брат!

Фэй накрыла ее сжатые руки своей ладонью.

– Навестишь, когда ему станет лучше.

– А если не станет? – повернув голову, Анабель посмотрела прямо в глаза Фэй. – Если не станет?

– Не говори глупостей.

Выдернув ладони, Анабель вскочила и сложно было сказать, что ею владеет больше, гнев или негодование.

– Фредерик тоже так говорит: поедешь, когда станет лучше. Но я здесь уже пять дней, и ничего не меняется! Почему никто не хочет говорить этого вслух? Почему никто не хочет допускать мысли, что ничего не изменится? Почему, черт возьми, никто не хочет его даже по имени называть?

– А почему этого не делаешь ты?

– Потому... потому что пока я не увидела своими глазами, могу представить, что все не так плохо.

Анабель опустила на прежнее место, но теперь Фэй не стала ее трогать.

– Фредерик ведь даже не сообщил мне сразу, – горько сказала Анабель. – Почему он мне сразу не позвонил?

– Возможно, по тем же причинам: пока не сказал тебе вслух, это было не так плохо.

Последние несколько месяцев Анабель провела в Америке с Линдоном Кросби, взяв долгосрочный отпуск на работе и периодически присылая оттуда заметки для журнала. В какой-то момент оба брата перестали отвечать на письма, и Анабель начала в панике звонить домой.

Тогда она наткнулась на Офелию, которая и рассказала ей, что Винсент в клинике. Анабель прилетела на следующий же день, но Фредерик категорически запретил ей какое-либо посещение. И ничего не изменилось до сих пор: Анабель себе места не находила, но Фредерик оставался непреклонен.

– Почему он не писал мне? – спросила Анабель, и Фэй не сразу поняла, что речь совсем не о Фредерике. – Почему... почему Винсент ничего мне не рассказывал? Если все было так плохо, он же знал это, чувствовал. Почему не написал мне?

– Возможно, не хотел беспокоить. В последнее время его мучили кошмары.

– Снова. Кошмары, после которых он не мог спать.

– Именно так. Но не знала, что он не рассказал о них тебе.

– Он ничего мне не рассказал, – с горечью сказала Анабель. – Никто из братьев не считает нужным мне что-либо рассказывать.

– Они оберегают тебя.

– Даже когда совсем не стоит этого делать.

Анабель откинулась на спинку дивана и вздохнула. В полумраке комнаты, в темном платье, она казалась лицом во мраке, восставшим призраком, вернувшимся домой и внезапно понявшим, что за короткое время все успело измениться.

– Когда это началось? – спросила она.

– Вскоре после того, как он застрелил Анну. Точнее, я думаю, что примерно после того. Сначала я не понимала, что происходит, списывала многое на последствия его ранения. Потом начались кошмары.

– А теперь Фредерик упрятал его в психушку, и целыми днями Винсент бессмысленно пилится в стену, а я даже не могу его увидеть!

– Это была не идея Фредерика.

– Что?

– Винсент сам приезжал в эту клинику. На консультацию, как утверждают врачи.

– Почему же он не написал мне, – Анабель тряхнула головой. – Он узнает тебя?

Фэй с удивлением посмотрела на Анабель. Только теперь она, похоже, поняла, что Анабель действительно имеет весьма смутное представление. Или Фредерик действительно ничего ей не рассказывал? Неужели и Офелия тоже?

– Ани, он никого не узнает. Винсент действительно сидит целыми днями, уставившись в одну точку. И в его остановившемся взгляде нет никакого узнавания, когда я разговариваю с ним. Даже когда я смотрю ему в глаза. Они только, как и раньше, слезятся от яркого света – естественная реакция чувствительных глаз, напоминающая, что это все еще тот самый Винсент.

Обхватив себя руками, Анабель помотала головой, как будто пыталась отогнать от себя все слова, сказанные Фэй. Словно они могли облететь или растаять, став запутавшимися в волосах снежинками.

– Я займусь ужином, – сказала Фэй, поднимаясь. – Надеюсь, ты ко мне присоединишься.

Анабель продолжала сидеть в той же позе, но Фэй понимала, что ей нужно время – а потом ей придется принять общие правила игры, делать вид, что скоро все станет лучше. Иначе невозможно с этим справиться.

На кухне Фэй не торопясь достала овощи и начала их резать. Яркий электрический свет почти резал глаза, и даже это отвлекало от кубиков перца и огурцов, напоминая, как тяжело бывало Винсенту на кухне. Но он настаивал на ярком свете, заявляя, что иначе тут просто невозможно находиться.

Внезапно Фэй услышала громкий хлопок входной двери. Нахмурившись, девушка, не выпуская из рук ножа, выглянула из кухни – но нет, никто не пришел. Тогда она вернулась в гостиную, и увидела, что та пуста. А вот сумочка Фэй, с которой она пришла, безжалостно выпотрошена на журнальный столик. На стеклянной поверхности блестели ключи, губная помада, какие-то мелочи. Но в стороне от остальных вещей лежала старомодная записная книжка. И Фэй сразу поняла, что искала и определенно нашла Анабель.

Адрес клиники Хартвуд Хилл.

Пожалуй, последнее место, где бы хотел оказаться Фредерик в принципе – это Хартвуд Хилл. Его раздражало в этом месте буквально все: само здание казалось слишком неказистым, забор – неуместно жизнерадостным, двери безудержно крепкими, а кусты подстрижены слишком аккуратно. Сегодня проходя мимо них, он умудрился задеть мокрые листья, и влага водопадом упала на брюки и залила ботинки. И без того всегда перепачканные местной землей. В Хартвуд Хилле почему-то не были приняты мощеные дорожки, а Фредерик не мог избавиться от мысли, что поросшие кленами аллеи и тропинки больше всего напоминают кладбище.

Внутри клиника нравилась Уэйнфилду еще меньше. После угрюмого холла, где даже стертая на полу мозаика как бы говорила об оставленных надеждах, посетителей встречали светлые коридоры, с такими незаметными узорами на обоях, что те казались грязно белыми. И лампы. Как же Фредерик ненавидел лампы! Почему-то окна в коридорах Хартвуд Хилла встречались крайне редко (возможно, чтобы не нервировать зрелищем решеток на них?), но вот ламп было много. Ярких, не оставляющих теней, высветляющих все коридоры и, как казалось Фредерику, тихо и постоянно гудящих над головой.

Впрочем, даже он признавал, что клиника не лишена некоторой доли уюта – насколько это вообще здесь возможно.

Сейчас же Фредерик сидел в мягком кресле главного врача. Слегка потертом, по правде говоря, но мужчина подозревал, что это намеренный эффект, чтобы пришедшие люди чувствовали себя комфортнее.

Кабинет был сплошь торжеством дерева и хлопковых тканей. Массивный стол, тканевые обои, а на стенах в аккуратных рамках дипломы вперемешку с фотографиями лошадей – главной страстью главного врача. Помимо работы, конечно же.

Доктор Эдуард Стивенсон представлял собой аккуратного мужчину лет пятидесяти. Всегда в строгом костюме и с располагающим к себе взглядом, как будто обещавшим, что его обладатель будет слушать всю ночь напролет и сотрет все печали.

Встретить Фредерик доктора Стивенсона при других обстоятельствах, то возможно, даже проникся к нему симпатией. Но тот был частью Хартвуд Хилла, и Фредерик ненавидел и его. К тому же, доктор стоял на его пути к цели.

– Я уже не раз говорил вам, мистер Уэйнфилд, что ничем не могу помочь, – сидя за столом в своем огромном кресле, доктор Стивенсон виновато развел руками, как будто действительно сожалел.

– А я уже не раз говорил вам, что вы расскажете то, что я прошу.

– Боюсь, это невозможно, мистер Уэйнфилд. Конфиденциальная информация.

– Мой брат сейчас у вас. И любая информация касательно него не может быть конфиденциальной. Не для меня.

Доктор снова развел руками, будто бы говоря: таковы правила и не мне их нарушать. Но Фредерик знал, что это ложь. И знал, что в любом случае добьется своего.

Он не торопясь поднялся со своего места напротив стола Стивенсона, где и сам начинал ощущать себя пациентом, и подошел к стене, разглядывая дипломы и фото лошадей. Сейчас Фредерик уже не находил ничего странного в увлечении доктора, но поначалу подобное хобби казалось весьма эксцентричным.

– Доктор Стивенсон, – сказал Фредерик, не поворачиваясь к собеседнику, – я знаю, что мой брат был у вас незадолго... незадолго до того, как вернулся и остался. Я всего лишь хочу знать, с какой целью он навестил Хартвуд Хилл в первый раз.

– Я уже говорил вам, мистер Уэйнфилд. Ваш брат приезжал ради консультации.

– При всем уважении, доктор Стивенсон, Хартвуд Хилл не самая известная клиника. Расположенная за городом, в стороне от основных дорог. Сюда приезжают только специально и только с определенной целью. Вы не трубите о себе рекламу на каждом углу Лондона.

– Возможно, вашему брату требовалась вполне определенная клиника.

Фредерик резко повернулся и буквально в два шага преодолел расстояние до стола доктора. Упершись руками в столешницу, он ощутил под ладонями шероховатую поверхность дерева, но в упор смотрел на доктора.

– Я хочу знать, что ему было нужно.

Но доктор оказался крепким орешком. Он спокойно выдержал взгляд Фредерика и только вздохнул.

– Мистер Уэйнфилд... я могу называть вас Фредериком?

– Нет.

– Как пожелаете, мистер Уэйнфилд. Я уже не раз говорил вам и повторяюсь: содержание моих бесед с гостями клиники строго конфиденциально – в том числе и с вами, кстати говоря. Тем более, это не имеет никакого отношения к истории болезни вашего брата.

– Позвольте мне решать самому.

– Увы, мистер Уэйнфилд...

– Хорошо, – внезапно согласился Фредерик. Он выпрямился, как будто собрался уходить. – Тогда я забираю отсюда брата. Кроме того, я попросил своих финансистов проверить Хартвуд Хилл, и они, кажется, нашли некоторые несоответствия. Весьма прискорбно.

Доктор Стивенсон сжал зубы, и его напускная доброжелательность вмиг слетела, обнажив откровенную злобу. Но он тут же взял себя в руки.

– В этом нет нужды, мистер Уэйнфилд. Возможно, вы правы и имеете полное право знать, с какой целью ваш брат посещал Хартвуд Хилл в первый раз. Но повторяюсь, это не имеет отношения к его состоянию.

– Я слушаю, – сказал Фредерик. Но садиться обратно не стал.

– Винсент Уэйнфилд наводил справки об одном из бывших пациентов Хартвуд Хилла.

– О ком же?

– Лиллиан. Лиллиан Уэйнфилд.

Брови Фредерика удивленно взлетели вверх. Он не слышал этого имени уже очень и очень давно. И не мог представить, зачем эта женщина понадобилась Винсенту.

– Сколько она здесь пробыла?

– Этот вопрос задавал и ваш брат. Около восьми лет, насколько я помню.

– И кто платил за ее содержание?

– Ваш отец, Леонард Уэйнфилд.

Фредерик был готов поклясться, что даже знает, когда именно прекратилась оплата – лет десять назад, когда Леонард и Мадлен Уэйнфилд погибли в автокатастрофе. Что ж, папочка до сих пор способен преподносить сюрпризы. Даже из могилы.

– Это все, доктор Стивенсон?

– Все. И ровно то же самое, что я говорил вашему брату.

Хотел бы Фредерик знать, с чего Винсент вспомнил о Лиллиан, и откуда узнал о Хартвуд Хилле. Впрочем, второе было не удивительно – Винсент умел доставать информацию, когда того хотел.

В дверь решительно постучали и, не дождавшись, приглашения, распахнули. На пороге стояла секретарша доктора Стивенсона, как всегда, собранная и серьезная.

– Доктор, я считаю нужным сообщить, – женщина сделала паузу и скользнула взглядом по Фредерику, – вам, мистер Уэйнфилд, тоже будет интересно. Прибыла посетительница, которая называет себя вашей сестрой.

– Анабель? – удивился Фредерик. – Что она тут делает?

– Говорит, что пришла к брату. Она сейчас у него.

Не дослушав, Фредерик молча прошел мимо секретарши. Дорогу к нужной комнате он помнил хорошо.

Винсент лежал поперек кровати на спине, свесив голову вниз. Вообще-то было адски не удобно, но он находил в этом особую прелесть. Он курил, выпуская едкий дым и слушая меланхоличную мелодию музыки. Она была гипнотически успокаивающей, под такую можно медитировать или совершать кровавые обряды во имя неведомых богов.

Впервые он услышал ее в заставке сериала про викингов. Винсент хорошо помнил тот день: вместе с Фредериком они ехали в колледж к Анабель. Дорога оказалась длинной, Фредерик сам вызвался везти, а Винсент сначала закурил, но Фредерик шикнул, чтобы тот не дымил в машине. В итоге, Винсент переместился на заднее сидение, где раскрыл окно, закурил и расположился едва ли не лежа с планшетом.

Тогда-то, на пути из Лондона, он и посмотрел первые серии, а музыка его заворожала, так что он быстро отыскал ее оригинал и закинул в свой плейлист.

Теперь он лежал в собственной комнате, но почему-то вспоминал именно тот день. Те тяжелые свинцовые тучи, прохладный воздух сквозь открытое окно, ворчание Фредерика и обволакивающую музыку.

Сейчас у него было ощущение, будто он собирается на полном ходу выскочить из этой машины, ничего не говоря Фредерику, и сбежать от него как можно дальше. Он даже не знал, что казалось более невыносимым, выпрыгивать из машины или сбежать от Фредерика.

Но ему придется сделать и то, и другое.

Перевернувшись на живот, Винсент дотянулся до стоявшей на полу пепельницы и потушил сигарету. Рядом валялся наполовину пустой пузырек со снотворным.

Это никогда не закончится, потому что я хочу большего.

Больше, дай мне больше, дай мне больше.

Стоя у Хартвуд Хилла, Офелия вовсе не находила клинику такой ужасной, какой она виделась Фредерику. Правда, девушке тоже не нравились аллеи с кленами, но по иным причинам – они напоминали ей детство и не слишком приятные воспоминания о том, как она сбежала к деревьям, когда не понимала, о чем общаться со сверстниками в школе.

В остальном же Офелия находила Хартвуд Хилл довольно уютным и милым. Как будто отгородившимся от остального мира высоким забором, поросшим плющом. И Офелии нравились тишина и умиротворенное спокойствие – впрочем, внутрь она редко заходила. В стенах самой клиники тишина странным образом перевоплощалась в уныние, а этого добра Офелии хватало и дома.

Она вытащила из кармана тонкие перчатки и натянула их на руки. Даже в теплом осеннем пальто ей становилось прохладно. Но идти в машину не хотелось, она предпочитала ждать Фредерика прямо тут, у колких кустов жимолости, которые тот так ненавидел.

Но Офелия хорошо понимала, что Фредерик с той же энергией ненавидел бы любое место, где оказался его брат при подобных обстоятельствах.

Рукой в перчатке Офелия прощлась по острым веточкам, наблюдая, как с них сыплются капли влаги. Ее вода не пугала – как не пугал и Фредерик, хотя она знала, Фэй в последнее время старается как можно реже оставаться с ним наедине. Но Фэй вообще старалась сейчас с кем угодно как можно меньше оставаться наедине – она не была готова к длинным разговорам. По правде говоря, Офелия и сама совершенно не знала, что сказать.

Фредерик вышел из здания Хартвуд Хилла вместе с Анабель. Конечно же, Офелия ее видела, но останавливать не стала. И даже подсказала, где именно находится Винсент – она

была там однажды. Поэтому хорошо могла представить его реакцию на сестру – точнее, отсутствие этой реакции.

Поэтому Офелия ничуть не удивилась, увидев явно притихшую и подавленную Анабель – та шагала, смотря себе под ноги и легонько подталкиваемая братом. Она направилась к машине Фредерика, а тот подошел к Офелии, спрятав руки в карманы.

– Почему ты ее не остановила?

– Потому что не одобряю твоего решения держать ее в стороне. Она давно не маленькая.

– Ну, теперь она увидела, – Фредерик даже не обернулся на Анабель, но явно думал только о ней.

– Я так понимаю, эффект это возымело только над самой Анабель?

– Да.

Офелия вздохнула. Она действительно не одобряла стремление Фредерика оградить Анабель от всего на свете, в том числе и самой жизни – это уже не приводило ни к чему хорошему и вряд ли могло привести. Но в глубине души надеялась, что ее визит к брату сдвинет что-то с мертвой точки.

– Теперь к Винсенту не будут никого пускать без моего разрешения, – сказал Фредерик.

– Ты еще вооруженную охрану вокруг него поставь. И ток пусти по колючей проволоке.

– Так бы и сделал, если это помогло.

– Ты всегда хотел защитить Анабель от мира вокруг, а Винсента от него самого. Только никогда не сможешь. А теперь ему вообще абсолютно плевать, что его окружает. Это волнует только тебя.

Это было жестоко, и Офелия сразу поняла, что переборщила – увидела по лицу Фредерика. Но в то же время знала, что права, а смягчать пилюли она никогда не умела. Поэтому в последнее время не знала, что сказать Фэй, а с Фредериком предпочитала молчать.

Неожиданно тот пожал плечами:

– Ты права.

Он вытащил руку из кармана и потербил веточки кустов, где еще остались капли воды – они веером упали вниз. И почти одновременно с этим дождь закапал и сверху, будто Фредерик стряхнул одновременно и небесные кусты.

– Ты пугаешь мою сестру в последнее время.

– Правда? Почему же?

– Ты стал больше похож на Винсента – также готов идти до конца, чего бы это не стоило. Фредерик невольно улыбнулся. Но потом снова стал серьезным.

– Я знал, что у него проблемы. Видел, что он стал много спать, но ему снились кошмары. Видел появившиеся таблетки. Но я не понимал, что все так серьезно.

– Не вини себя.

– Я не смог понять, что ему нужна моя помощь. Может быть, просто думал, что, если игнорировать проблему, она исчезнет. Меньше всего мне хотелось возвращаться к призракам и голосам.

Офелия аккуратно взяла руку Фредерику, мокрую от дождевых капель, и сомкнула на ней свои маленькие ладони в перчатках.

– Это ваша общая проблема – вы совершенно не умеете просить помощи. Пока все не заходит слишком далеко.

– Думаешь, уже зашло?

– Куда уж дальше. Но... я по-прежнему нахожу все немного странным.

– Станным?

Офелия пожала плечами:

– Почему Винсент ничего тебе не говорил? Вообще ничего. И ты уж прости, но твой брат никак не походит на хрупкий цветочек. Так что же произошло, что в итоге, он оказался здесь?

– Я не знаю, – пожал плечами Фредерик, – по правде говоря, не имею ни малейшего представления. Этот доктор Стивенсон рассказал, что в первый раз Винсент приезжал в Хартвуд Хилл вовсе не за «консультацией», как рассказывал, а наводить справки.

– О ком?

От Офелии не укрылся быстрый взгляд, который Фредерик кинул в сторону машины, где сидела Анабель. Похоже, он не хотел говорить при сестре, поэтому все еще стоял под начинавшимся дождем.

– О некоей Лиллиан Уэйнфилд.

– Это ваша родственница?

– Дальняя. Никто о ней давно не вспоминал, и я даже не представляю, зачем она могла понадобиться Винсенту.

– Однажды сам у него спросишь.

Фредерик кивнул. Его волосы уже начинали мокнуть под дождем, да и сама Офелия чувствовала себя не уютно. Но ей не хотелось прерывать или торопить Фредерика – он все расскажет тогда, когда посчитает нужным, и если этот момент сейчас, то она выслушает.

Рука Фредерика в ладонях Офелии повернулась и аккуратно взяла девушку за руку.

– Спасибо, что едешь со мной.

Девушка пожала плечами. Как могло быть иначе.

– А теперь поехали домой.

И они направились к машине Фредерика, где за подернутым дождем стеклом виднелся силуэт сидящей внутри Анабель. Она не потрудилась очистить стекла.

Офелия только раз украдкой взглянула на серую громаду Хартвуд Хилла. Интересно, сколько тайн хранят его унылые стены? Она никогда не говорила Фредерику, на сколько в действительности считала происходящее странным.

2

Ночью в Хартвуд Хилле царили тишина и темнота – за исключением нескольких комнат, где оставались дежурные врачи. Но место было тихим, и дежурные обычно маялись со скуки, перечитывая очередной бульварный роман или смотря по телевизору ночной канал.

Во тьме и тишине пребывал кабинет главного врача. Сейчас мрак скрадывал массивный стол доктора Стивенсона и фотографии лошадей по стенам. Тот же сумрак окутывал коридоры с теперь выключенными лампами, процедурные и запертые помещения, где хранили лекарства.

Во тьме и тишине пребывала и комната Винсента. Только не он сам.

Сев на кровати, он помотал головой, пытаясь разогнать туман – с каждым днем это выходило все сложнее. Сегодня потребовалось куда больше времени, чтобы собрать воедино разрозненные мысли в голове и понять, кто он, где он и зачем это все.

Поднявшись с постели, Винсент покачнулся, с трудом удержавшись на ногах. И с внезапной ясностью понял, что еще немного – и он точно станет психом, не отличающим, где реальность, а где мутный сон без сновидений.

Хотя в первые дни Винсент был даже рад. Те лекарства, которые ему кололи, действительно были способны отогнать всех демонов – и мозги тоже. Ему больше не снились кошмары, но и он сам перестал что-либо ощущать, а мысли напоминали неповоротливых жирных мух. И дни проходили, завернутые в плотный слой вязкого целлофана, не пропускающего внешний мир. Как будто он уже лежал в мешке для трупов, но при этом еще дышал.

Поэтому притворяться Винсенту было легко – пожалуй, даже слишком. И временами, когда он осознавал, что на полном серьезе не может вспомнить, что происходило днем, по спине пробегал холодок.

Хуже всего, конечно, бывало, когда приходили Фредерик или Фэй. Врать им оказалось чертовски тяжело, куда тяжелее, чем думал Винсент. Сколько раз он порывался смахнуть с лица маску и рассказать им все. Но ни один из них точно не одобрит его безумных планов. А другого варианта добраться до того, что ему нужно, он не знал. Винсент не видел смысла отмахиваться от демонов и предпочитал использовать любые средства, если в итоге, это поможет в борьбе с ними. Даже если потом придется пожалеть.

Но Винсент не думал, что Анабель приедет так быстро. И сегодня его маска как никогда оказалась близка к провалу. Он даже подозревал, что спасли только вколотые лекарства, которые и без того делали его реакции замедленными. Интересно, а как они на самом деле должны действовать?

Комнату Винсента не запирали – не было нужды. Поэтому он легко из нее выскользнул. То есть он осознавал, что достаточно неповоротлив, а в голове мутно, но знал, что его никто не заметит. Не замечали же все предыдущие ночи.

С первого дня Винсент понял, что идея препаршивая – но отступать было поздно.

Гладкий пол под босыми ногами казался ужасно холодным. Зато ориентироваться в темноте куда приятнее, чем видеть дурацкие лампы. Вот уж что Винсент ненавидел в Хартвуд Хилле больше всего, так это лампы! Они буквально выжигали его глаза, и он готов сидеть в комнате хоть вечность, лишь бы не видеть их света.

В тишине клиники Винсент довольно быстро добрался до места назначения, привычно ведя рукой по стене. Это помогало ориентироваться, он хорошо помнил план здания, да к тому же позволяло не упасть.

Архив Хартвуд Хилла странным образом находился вовсе не в административной части здания, а в той, что примыкала к палатам пациентов. Именно это стало основной причиной, почему Винсент решился на свой план – иначе никогда бы ему не попасть к пыльным папкам. Доктор Стивенсон скорее бы уничтожил то, что нужно Винсенту, нежели позволил ему взгля-

нуть. И даже копаясь в делах каждую ночь, Винсент так и не понял, что же такого секретного там находилось.

Дверь архива тоже не запирали. Включать свет Винсент никогда бы не рискнул, но еще в первую ночь стащил фонарик у одного из спящих дежурных и надежно спрятал под шкаф.

Присев, Винсент пошарил под металлическим стеллажом, и наконец, его рука сомкнулась вокруг фонарика. Он включил его и поднялся, но при этом голова так закружилась, что он с трудом восстановил равновесие.

Нахмурившись, он подумал, что настал черед посмотреть кое-что другое.

Старые дела содержались в архиве в продуманном беспорядке, так что Винсент далеко не сразу нашел досье Лиллиан Уэйнфилд, а когда нашел, то несколько ночей изучал пухлую папку. Сегодня он хотел покончить с этим, но ему пришла в голову другая мысль.

Вместо архива, Винсент подошел к столу, где стоял ящик с самыми последними делами. Зажав в зубах фонарик, он начал листать тонкие папки, пока не нашел ту, на которой значилось «Винсент Уэйнфилд».

Усевшись на пол, Винсент раскрыл тонкие шуршащие листы. Перехватив фонарик в правую руку, Винсент углубился в чтение, переворачивая страницы. И чем дальше он читал, тем выше взлетали его брови.

Даже со своими скудными познаниями в лекарствах (кое-что он все-таки изучил, прежде чем ломиться в Хартвуд Хилл), Винсент мог понять, что с тем набором, который ему кололи, удивительно, как он действительно не превратился в овощ. Как будто он был бурным сумасшедшим, которого требовалось держать в смирительной рубашке.

И еще кое-что интересное: рукописные записи в его деле сделаны той же рукой, что и в деле Лиллиан. Доктор Эдуард Стивенсон.

Мари Хоггарт полагала, что день можно назвать чудесным. Небо грозило пролиться новым дождем, но так и не разразилось. По крайней мере, не в то время, когда Мари быстрыми шагами преодолевала расстояние от автобусной остановки до Хартвуд Хилла.

Приложив карточку, она торопливо зашла внутрь, когда замок щелкнул. Уже собирались сумерки – сегодня Мари работала в вечернюю смену. А после ее заберет Мартин на машине, и все выходные она проведет у него. Мари откровенно предвкушала этот момент, поэтому сегодня оказалась достаточно рассеянна.

Впрочем, ничто не мешало ей исполнять свои обязанности. И сегодня она с особенной теплотой относилась ко всем пациентам.

В комнате молодого мужчины с татуировками оказались занавешены окна, и Мари их тут же раскрыла. На улице сгущались сумерки, и ей показалось, ему будет приятно увидеть что-то, помимо обычных стен.

– Сегодня просто чудесный день! – заявила она, буквально порхая от окна к столику, где набрала в шприц заранее подготовленное доктором лекарство. – На улице, правда, собирается дождь, но кого сейчас можно удивить дождем? А потом я отправлюсь к своему жениху. Мне кажется, вы бы с ним обязательно подружились – правда, если вы не очень уж похожи на брата. Мартин куда чаще улыбается и не прочь пошутить. То есть, конечно, внешне вы один в один как брат, но я про другое. И...

Внезапно на запястье Мари сомкнулась рука, не позволяя ей сделать привычный укол. И она с удивлением увидела, что взгляд пациента очень даже осмыслен. И сейчас он в упор смотрел на нее.

– Ты должна помочь мне выбраться отсюда, – хрипло сказал он.

– Что? – ахнула Мари. – Вам лучше? Я должна сообщить доктору. И если он сочтет...

– Ни в коем случае. Никакого доктора. Боюсь, он меня так просто не выпустит.

Мари попыталась мягко освободить руку, но бывший пациент держал крепко.

- Просто помоги мне отсюда выбраться.
- Может, позвонить вашему брату?
- Нет. Он и так меня убьет.
- Но я не могу...
- Простой дай свою карточку и время уйти.
- Но не в таком же виде вам на улицу!
- Помоги мне... пожалуйста.

Было что-то в его голосе такое, что убедило Мари лучше всяких угроз. Он действительно выглядел как человек, которому нужна помощь, но отнюдь не врачей.

По правде говоря, Мари сомневалась, что пациент далеко уйдет – скорее всего, это временное прояснение. Или он наткнется на кого-то из персонала.

Именно так она себя и успокаивала, снимая с шеи шнурок с карточкой.

Мари еще не знала, что спустя пару мгновений ей придется рассказать, какие из таблеток на столике с колесиками, с которым она шла на обход, снотворное. И испытать его действие на себе, пока пациент попытается покинуть Хартвуд Хилл.

В последнее время Фредерик редко куда-то ходил, но в нынешний пятничный вечер не поехал домой. Вместо этого задержался допоздна в издательстве, спрятавшись ото всех в зале совещаний и медленно наблюдая через огромные панорамные окна, как скапливался сумрак.

На собраниях собиралось много народу, но в остальное время просторный зал, наполненный пластиковыми стульями и большим столом, был оставлен и пуст. Вечерами Фредерик и Винсент частенько тут задерживались: когда исчезал яркий свет и можно сидеть, чтобы никто не беспокоил.

Сегодня Фредерик один в зале. Он пил совершенно не романтичный кофе из пластикового стаканчика и наблюдал, как медленно начинают гореть огни за окном. Он не думал ни о чем конкретном, просто позволяя мыслям скользить сквозь себя, наблюдая за ними, но не задерживая.

Тишину зала нарушала только негромкая музыка из стоящего у стены проигрывателя. Его предложила одна из сотрудниц, вечно стесняющая и краснеющая девушка. Она высказывала дельные мысли да и специалистом была хорошим, особенно если ей удавалось преодолеть вечное смущение. Фредерик не помнил, как ее звали – она работала с Винсентом, и он почему-то считал своим долгом ее ненавязчиво поддерживать. По крайней мере, в тех вещах, которые действительно в тему. И с удивлением Фредерик замечал, что девушка становится все смелее, а ее рабочие идеи явно хороши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.